

Пролог

Мне было позволено записать случившееся, но я не сомневаюсь, что данные Анналы исчезнут, никем не прочитанные, а те из нас, кто стал свидетелем изложенных здесь событий, забудут пережитые минуты любви и ужаса.

Все началось в мрачный для человечества день, когда Владычество стояло на краю бездны. Лишь по счастливому стечению обстоятельств мне удалось узнать об этих событиях: важные документы были конфискованы у беглых воскресителей из Хонно. Расшифровать их я не смог и передал в Чары.

Неизвестный доброжелатель вернул мне перевод, который, несомненно, был отредактирован, отцензурирован и купирован. Тем не менее этот текст вполне может послужить каркасом, который я облеку весьма практичной иллюзией истины.

Однажды в Сумраке

Вночи слышался лишь цокот копыт по мокрой брусчатке. Лунный серп подмигивал из-за косматых облаков, освещая мрачные шпили Грендирффта. В самой крепости не было видно ни огонька.

После дождя наступил прохладный штиль. В имперском Сумраке пахло разлагающейся плотью.

Время для нашествия насекомых еще не пришло.

В ярде от водосброса ничем не огороженной сточной канавы остановилась черная карета. Отсюда сток попадал в крепостной ров с проточной водой, предназначенный больше для удаления нечистот и помоев из замка, чем для его обороны.

Возница отвязал поводья и слез с козел. Встал по стойке «вольно, по-парадному» у канавы, но вскоре повернулся, открыл дверцу кареты, вытащил багор и взял его наперевес, как алебарду.

Тело с легким всплеском упало в воду и всплыло на поверхность ровно там, где дожидался возница. Ему даже не пришлось воспользоваться багором.

Он осторожно достал девушку из канавы. Покойница то и дело норовила выскользнуть из рук. Дождь разбавил сточную воду, и девушка не успела пропахнуть. В другой день это случилось бы обязательно.

Одежды на ней не было. Заметных ран на теле — тоже. На вид ей нельзя было дать больше пятнадцати лет. Возница поднял ее как пушинку и погрузил в карету. Закутал в одеяло, пристроил в углу. Когда он закончил, девушка выглядела спящей — или пьяной до потери сознания.

— Эй, ты! — раздался оклик откуда-то сверху. — Чего здесь забыл?!

Возница понимал, что никто не успеет спуститься с высоты в восемьдесят футов так быстро, чтобы помешать ему или хотя бы опознать, но и без того беспокойное сердце заколотилось еще сильнее. Он полдесяток раз отрепетировал сегодняшнюю миссию, но до сих пор не был замечен.

Он не стал гнать карету. Кому придет в голову выяснять, зачем она стояла у водосброса сточной канавы, пусть и в час, когда прихвостни Властелина избавлялись от отслужившей свое девственницы?

Ворота Сумрака никогда не закрывались. Вторгнуться в столицу ужасной империи, когда там находился ее повелитель, мог осмелиться лишь самый отчаянный глупец. Таковых среди ныне живущих не было.

Тем примечательнее была дерзкая вылазка возницы.

Стражникам у Нефритовых ворот не было причин мешать ему покинуть город. Однако, как принято, небольшая сумма денег все же переключалась в их руки. Взамен солдаты ограничились поверхностным досмотром.

— Моя дочь, — объяснил возница. — Ей всего четырнадцать, а надралась в доску. Стыдоба! Но я ее все равно люблю, что уж тут поделаешь.

Младший солдат хмыкнул.

— Проныра, видишь, что тебя ждет? — сказал он напарнику и добавил: — У Проныры три дочери растут.

— Как исполнится одиннадцать, посажу их под замок и не выпущу, пока замуж не выдам. А твою лучше вообще на цепи держать, — сказал он вознице. — Езжай!

Возница забрался на козлы, дернул поводья и с облегчением выдохнул.

Времени было в обрез.

Долго девушка не протянет.

Давным-давно в далеких землях:
также известная как Бетдек

Когда главный камергер обнаружил, что от сегодняшней гостьи Властелина избавились, как будто она не одна из сестер Сеньяк, а надоевшая игрушка-простолюдунка, в Грендирфте поднялся переполох. Уборщики были новичками. Их предшественники, наделав глупостей, сами отправились в сточную канаву, а смену еще не успели обучить.

От страха главный камергер едва не исторгнул из себя все съеденное за неделю. Ему хватило самообладания сообщить о происшествии Бетдек, которая была немногостарше своей пропавшей сестры.

— Должно быть, он потерял над собой контроль. В последнее время дает волю рукам... — Главный камергер пытался снять с себя вину, предполагая, что жить ему осталось всего ничего, а смерть будет долгой и мучительной.

Тон Бетдек был ледяным.

— Понимаю. Рано или поздно это случилось бы с одной из нас. — Сама она пережила несколько визитов к Властелину. С ней и старшими сестрами тот не был так жесток, как с Доротеей, которая полностью отвечала его вкусам. — Он убил ее? — Это было бы роковой

ошибкой безумного императора. — Избавился от нее, как от всех своих прежних безымянных ночных игрушек? — Бетдек была настолько шокирована, что даже не вышла из себя. — Не могу представить, что он способен на такое даже под опiuмом.

— Я отыщу ее тело, — пообещал главный камергер.

— Не сомневаюсь. Оно понадобится нам, когда Властелин снова захочет ее общества. Иначе погибнуть можем мы все.

Бетдек надеялась, что он настолько спятил, что уже не вспомнит об убийстве. Такого страха она еще никогда не испытывала. Если безумный император пренебрег договором с родом Сеньяк, этому роду не выжить. Впрочем, как и Властелину. Пусть он и величайший колдун всех времен, но даже ему не совладать со всем миром без поддержки тех, кто привел его к абсолютному владычеству.

— Я отыщу ее и верну, — повторил главный камергер.

Это будет нетрудно. Всего-то нужно выловить ее из сточного рва.

Но во рву тела не оказалось.

Нашлись другие тела, человеческие и не только, на поверхности и на дне, но ни одно не принадлежало младшей сестре Сеньяк.

Главный камергер никогда еще так не паниковал. Его ужас передался другим.

Наши дни: Тидэс Эльба

Мы играли в тонк. Одноглазый был в дурном настроении. Проигрывал. Опять. В общем, все как обычно, разве что никто не хотел нас убить.

Эльмо раздал. Одноглазый простонал. Я взглянул на карты:

— Это что, сдача? Опять кучка дерьма!

— Брешешь, Костоправ, — сказал Масло. — Ты шесть партий из последних десяти выиграл.

— И каждый раз врал о плохой сдаче, — добавил Эльмо.

— Я не врал, когда сам сдавал.

Не соврал я и на этот раз. У меня даже пары не было. Никакой швали, единственная «картинка». Одной масти только бубновые семерка и валет. Нормальную группу до самой смерти не соберешь.

Как бы то ни было, одно мы знали наверняка: колдуну в кои-то веки хорошо зашло.

— Тогда будешь всегда сдавать.

Я сделал первую ставку. Потянул карту, сбросил и спасовал, когда снова пришла моя очередь.

Одноглазый открылся с десятью картами. Ничего выше тройки. Его старая заскорузлая рожица расплылась в беззубой ухмылке. Он сгреб выигрыш.

— Это вообще честно?! — запротестовал Эльмо.

За нами наблюдали полдесятка зрителей. Кроме членов Отряда, в «Темной лошадке» никого не было. Это заведение стало нашим логовом. Хозяин Маркег Зораб не знал, радоваться ему или огорчаться. Мы были не самыми желанными гостями, но платили исправно и щедро.

Обвинять Одноглазого в мухлеже никто не стал. Гоблин, устроившийся прямо на соседнем столе, напомнил Эльмо:

— Ты ведь сам сдавал.

— Ну да, тут не поспоришь.

Одноглазый частенько мухлевал. В простой игре, вроде тонка, это сложно, но ему не мешало. Такой уж он человек.

— Везет в картах, не везет в любви, — сказал он непонятно к чему.

— Я бы на твоём месте нанял телохранителей. Женщины двери будут вышибать, лишь бы до тебя добраться.

Гоблиновы шпильки обычно выводили Одноглазого из себя. Мы насторожились, но Одноглазый только ухмыльнулся и сказал Маслу:

— Сдавай, неудачник. И пусть твоя рука будет так же добра ко мне, как и рука Эльмо!

Гоблин отпустил шуточку о том, что госпожа Рука — единственная дама, с которой Одноглазый имел успех. Одноглазый по-прежнему не обращал на него внимания.

Я даже забеспокоился.

Масло сдал так, что лучше не стало.

— Вы замечали, что мы, где бы ни оказались, встречаем странные обычаи? — спросил Одноглазый.

Эльмо буравил свои карты взглядом и кряхтел. Масло по-всякому перебирал доставшуюся ему пятерку, значит рука у него настолько плоха, что для него самого от

нее нет проку. Одноглазый даже не пискнул — все лыбился. Вот-вот должно было свершиться доселе невиданное: две его победы подряд.

Все повернулись к Гоблину. Тот произнес:

— Масло сдавал.

— Да он карты зачаровал! — прокомментировал кто-то из зрителей.

Одноглазый пропустил реплику мимо ушей:

— А самый странный обычай таков: потеряв невинность, девушка обязана удалять все волосы на теле.

— Большого бреда не слышал! — буркнул Масло. — Мы здесь три месяца, а я еще ни одной бритой бабы не встречал!

Все замерли, в том числе сгребавший выигрыш Одноглазый.

— Чего вылупились? — спросил Масло.

Этот человек снова и снова нас удивлял. Остальные время от времени тратили монетку, чтобы покувыркаться с профессиональной убажжительницей. Обычно такие дела не обсуждались, но я мог подтвердить, что ни у одной местной женщины не видел ни волоска ниже шеи.

— Вот те на! — воскликнул Эльмо. — А я-то думал, что это только мне везет на бритых.

— Я думал, они бреются, чтобы вошек не подцепить, — сказал я.

— Не-а. Это у них религия такая чудная.

— Катахрезис, — пробормотал Гоблин.

Одноглазый помрачнел.

Жабья морда Гоблина расплылась в ухмылке.

— Да я не про тебя, заморыш. Ты-то у нас просто хрезис. Катахрезис — это не ругательство, а сочетание противоречивых понятий. Вот как «чудная религия», например.

— Ребята, вы мою удачу сглазить пытаетесь?

— Ишь ты, догадался! — ответил Эльмо. — Разговоры о женских кисках всегда срабатывают. Давай-ка расскажи еще об этих бритых лобках.

Одноглазый собрал деньги. Несмотря на выигрыш, он приуныл. Такую классную тему нам подкинул — недели можно потратить на ее изучение, — и никто на это не повелся.

Я перемешал колоду и принялся сдавать. С каждой взятой картой Одноглазый мрачнел все пуще. Последняя его добила.

— Черт бы тебя побрал, Костоправ! Сукин сын! Говнюк!

Эльмо с Маслом сидели молча, не понимая, в чем дело. Гоблин попискивал от восторга, как воробей в брачный период.

Одноглазый раскрылся. У него была тройка треф, шестерка бубен, девятка червей и пиковый туз. Последней картой был валет мечей.

— Сколько раз ты жаловался, что у тебя и двух карт одной масти нет? На этот раз врать не придется, — сказал я.

До Эльмо и Масла дошло, и они расхохотались громче нас с Гоблином. Зрители тоже вдоволь посмеялись.

Тут в дверь просунулась голова Лейтенанта.

— Кто-нибудь видел Кеглю?

Прозвучало это недовольно, будто ему пришлось работать в выходной.

— Опять в загуле? — предположил Эльмо.

— Похоже. Сегодня его очередь кухарить, а он не явился. Повара уже готовы его на суп пустить.

— Попробую образумить дурака, — сказал Эльмо, не смотря на то что Кегля подчинялся не ему, а Краглеру.

— Спасибо, сержант.

Эльмо умел воспитывать разгильдяев.

— Парни, а что вы вообще здесь расселись? Темно, смрадно... Сходили бы воздухом подышать да на солнышке погреться, — предложил Лейтенант.

— Это наша естественная среда, сударь, — ответил я.

По правде говоря, никто попросту не додумался играть снаружи.

Собрав карты и пиво, мы высыпали на улицу и расселись там. Одноглазый раздал. Разговор о волосах жительниц Алоэ, а точнее, об их отсутствии пошел живее.

День выдался прекрасный: безоблачный, прохладный. Дул легкий, не способный помешать игре ветерок. Зрители тоже переместились на улицу. Одним было интересно просто смотреть, другие надеялись, что для них освободится место за игровым столом. Они присоединились к нашей дискуссии, которая становилась все более пошлой и в которой каждый стремился блеснуть осведомленностью.

— Сколько мы уже играем этой колодой? — спросил я между делом.

Отдельные карты уже до того истрепались, что распознавались по рубашке, но память то и дело меня подводила.

Все с интересом уставились на меня.

— Что-то сейчас будет, — предрек Одноглазый. — Выкладывай, Костоправ, а то у нас есть темы поважнее.

— Что, если эта колода достаточно стара, чтобы зажить собственной жизнью?

Одноглазый хотел было съерничать, но вдруг замер. Он всерьез задумался о такой возможности. Гоблин тоже. Бледный уродец воскликнул:

— Твою же мать! Костоправ, а ты умнее, чем кажешься. Карты обрели разум? Это многое объясняет.

Все усталились на Одноглазого и закивали в такт. Колдун заявил, что карты ненавидят его с незапамятных времен.

Но снова выиграл.

Три победы подряд — сущее безобразие. Следовало бы насторожиться, но вместо этого я снова сменил тему:

— Знаете, а ведь меня уже восемьдесят семь дней не пытались убить.

— Все еще впереди, — сказал Эльмо.

— Нет, правда. Только задумайтесь: на улице мы легкая мишень для кого угодно, но за нами даже не наблюдают. И никто из нас не озирается по сторонам и не жалуется на язвы.

Игра прекратилась. На меня усталились семнадцать глаз. Масло сказал:

— Костоправ, только попробуй сглазить, и я лично тебя придержу, когда кто-нибудь захочет сделать тебе вскрытие твоим же любимым ножом.

— Он прав, — возразил Гоблин. — Мы здесь уже три месяца, но ничего хуже пьяных драк не случилось.

Среди шестисот сорока бойцов Отряда нашлось несколько придурков, чьим любимым развлечением было надрать кому-нибудь зад по пьяни.

— Просто Госпожа по-прежнему сохнет по Костоправу, — предположил Одноглазый. — Вот и подыскала для него местечко побезопаснее. Нам с ним не тягаться. Следите за небом. Рано или поздно она самолично прилетит на ковре, чтобы перепихнуться со своим любимчиком.

— Костоправ, а как у нее с волосами?

Любимчик? Ну-ну. То-то мы целый год бросались следом за Шепот из одного кипящего котла в другой, ни дня не проводя без драки.

Любимчик? Разве что в том роде, когда на тебя взваливают все больше обязанностей, если ты, несмотря ни на что, справляешься с основными.

— Масло, как узнаю — тебе первому скажу.

Я не стал отпускать столь любимых другими вульгарных шуточек. Мой ответ заставил их подумать, что я по-прежнему питаю интерес к самой страшной женщине в мире. На самом же деле я опасался, что она нас подслушивает.

Парень по имени Причиндал сказал:

— К слову о волосах: я был бы не прочь поближе рассмотреть вон те.

Все обернулись и увидели на противоположной стороне улицы весьма красивую девушку. Ростовщик похвалил вкус Причиндала.

На вид девушке было не больше двадцати. Ее светло-рыжие волосы были острижены короче, чем у большинства местных женщин. Сзади они едва касались воротника, а с боков были чуть длиннее. Лоб закрывала челка. Я не обратил внимания на одежду девушки. Немудрено — красotka излучала такую чувственность, что до остального уже не было дела.

Внезапное внимание с нашей стороны напугало ее. Она попыталась смерить нас уничижительным взглядом, но не очень-то получилось. Ускорив шаг, девушка скрылась из виду.

Одноглазый взял карты:

— Эта точно бритая во всех интересных местах.

— Ты ее знаешь? — спросил окрыленный надеждой Причиндал.

У него появилась надежда. И даже цель в жизни.

— Лично — нет. Она из храма.

Служительницы Оккупоа занимаются священной проституцией. Я слышал, что среди них есть весьма талантливые и преданные делу.

Гоблин поинтересовался, откуда такая осведомленность.

— У них всех такая прическа, недомерок.

И это произнес человек ростом ниже Гоблина!

— А о прическе ты как узнал?

— Решил, что нужно попробовать все доступные удовольствия.

Мы опешили. Одноглазый — известный скряга. Да еще и плохой игрок в тонк. Вдобавок он почти бессмертный — в Отряде уже больше ста лет.

— Чего рты разинули? — возмутился он. — Да, я только прикидываюсь бедным. Разве это преступление?

Нет. Мы все такие. Лучшая защита от нищих приятелей, которые то и дело кланчат у тебя деньги, вместо того чтобы пойти к Ростовщику.

Кто-то заметил:

— У многих ребят скопились деньжата. До прибытия сюда у нас не было возможности их потратить.

Верно. Черный Отряд неплохо подпитал экономику Алоэ. Возможно, мы не подвергаемся нападениям именно потому, что с нас еще есть что взять.

— Пойду приведу Кеглю в чувство, пока Лейтенант и мне взбучку не задал, — сказал Эльмо. — Молчун, хочешь сыграть за меня? Черт! Он ведь только что был здесь!

Я тоже не заметил, куда подевался наш третий колдун. В последнее время Молчун держался чуднее обычного. Будто призрак.

У ветеранов Отряда развито шестое чувство. Ты инстинктивно распознаешь намеки истораживаешься, сам того не осознавая. «Чуешь опасность», как мы сами говорим. Вдобавок начинаешь догадываться, что творится в умах начальства, и моментально узнаешь о том, что тебя решили сунуть в какое-нибудь дерьмо.

Всем шестистам с хвостиком наших бойцов хватило четырнадцати напряженных секунд, чтобы понять: случилось что-то серьезное. Грядут перемены, и счет

дней, в которые меня не пытались убить, вряд ли дойдет до сотни.

Когда со стороны лагеря появился Крутой, игра в карты уже прекратилась.

— Эльмо, Костоправ, Гоблин, Одноглазый. Старик вызывает.

Одноглазый проворчал:

— И кто этого чертова Гоблина за язык тянул?

Пару минут назад Гоблин пробормотал: «Чует моя задница, что-то происходит».

Я вставил:

— Ну да. Это он во всем виноват. Если нас опять пошлют умирять мятежников, вышлем ему ремня.

— Не смешно, Костоправ. — Эльмо поднялся из-за стола. — Но я поддерживаю. Уже почти забыл, какова гарнизонная служба.

Он понес какую-то чепуху о чистой одежде, крепком пиве, регулярном питании и почти неограниченном доступе к любимым солдатским способам траты времени и денег.

Оставив карты другим, мы пошли по улице. За нашей спиной уже озвучивались догадки.

— Гарнизонная служба — она такая, — произнес я. — Для меня самым трудным в ней было убедить Одноглазого вылечить солдат от поноса с помощью чар.

— А мне нравится, — сказал Одноглазый. — Можно хорошо подзаработать.

Это он умел. Отправь его куда-нибудь на недельку, и он обязательно влезет по уши в тамошний черный рынок.

Крутой бочком приблизился ко мне и прошептал:

— Нужно поговорить наедине.

Он сунул мне в руку сложенную полоску пергамента, не больше трех с половиной дюймов в ширину. Грязную, вонючую. С одной стороны недоставало треугольного

клочка, — видимо, листок на чем-то висел. Когда я развернул пергамент, на лице Крутого отразился испуг.

Я остановился. Остальные тоже, недоумевая, в чем дело.

Я прошептал:

— Где ты это взял?

Отряд стоял лагерем за городом, на вересковой пустоши, еще с тех пор, когда Шепот прибыла для переговоров о включении Алоэ в империю Госпожи. Главной из обещанных городу привилегий было его дальнейшее существование. Лагерь был непримечательным: стена из глинобитного кирпича, за ней — саманные постройки, оштукатуренные, чтобы не размыло дождями.

Издали лагерь выглядел бурым пятном. Человек с наметанным глазом мог различить оттенки, но мы, люди простые, видели только бурый цвет. Однако мое зрение было достаточно острым, чтобы заметить свежее бурое пятно прежде, чем на него указал Крутой.

Под навесом у восточной стены штаба примостился летучий ковер. Мои спутники тоже его заметили, но, в отличие от меня, не слишком взволновались.

Мы влились в людской поток. Вызваны были все офицеры и взводные сержанты. Так случилось, когда Капитану вдруг приспичивало выступить с вдохновенной речью, но на сей раз причина была иной.

Всему виной этот самый летучий ковер.

Таких существовало не больше шести, и лишь шестеро умели ими пользоваться.

Нас почтил визитом один из Взятых.

Счастливым денькам пришел конец. После долгого сна преисподняя вновь разверзлась.

Теперь уже все заметили ковер. И все разом поникли.

— Идите вперед, — сказал я. — Я догоню. Крутой, показывай.

Он направился к навесу. К коврику.

— Увидел эту бумажку здесь. Хотел рассмотреть ковер.

Он в подробностях рассказал, как все было. Мне хватило одного взгляда на ковер, чтобы подтвердились опасения: это замызганное изделие из дерьма и палок принадлежало Хромому.

— Вот здесь был листок.

«Вот здесь» означало «там, где Взятый сидел во время полета». В этом месте ковер был особенно потрепан и растянут.

Крутой указал пальцем на оторвавшийся от деревянной рамы лоскут:

— Еле заметил. Он висел на гвозде.

Маленький гвоздь выступал из рамы на три шестнадцатых дюйма. На нем остался треугольный обрывок пергамента. Я осторожно, не прикасаясь руками, подцепил клочок острием ножа.

— Я сорвал лист, но не успел взглянуть — Капитан позвал меня и послал за вами.

— Ясно. Не высовывайся. Позже поговорим. — Я должен был спешить, чтобы не оказаться последним.

— Дело дрянь?

— Похоже на то. Отправляйся в город и держи язык за зубами.

Залом заседаний у нас служила столовая. Поваров выпроводили. Воздух был заряжен недовольством. Добрая половина солдат, включая меня, жила теперь в городе. Кто-то успел обзавестись женой, а кто-то даже воспитывал приемных детей.

Эти ребята молились, чтобы посланец на ковре привез деньги. Вот только наше жалованье высчитывалось из податей благодарных жителей Алоэ, которых мы защищали. Ради этого не нужно присылать Взятых.

Капитан натренированной медвежьей походкой поднялся на невысокий — до середины солдатской задницы — помост; следом, подволакивая ногу, взобрался уродливый бурый ком тряпья. В столовой повисла тишина.

Хромой. Самый мерзкий из Взятых. Заклятый враг Черного Отряда. Когда-то он взбунтовался против Госпожи, и мы хорошенько его вздули.

Этому колдуну удалось вновь заслужить ее расположение. Но и мы пользовались его услугами. Отомстить сейчас он не может, но терпения ему не занимать.

Капитан прогромыхал:

— Братья, скуке конец. Теперь мы знаем, зачем Госпожа отправила нас сюда. Нам предстоит схватить предводительницу мятежников, некую Тидэс Эльбу.

Это имя было нам незнакомо, и мне пришлось уточнить, как оно пишется. Капитан сообщил, что Тидэс Эльба одержала несколько побед к западу от Алоэ, но все они мелкие, не заслуживающие нашего внимания.

Занятная чепуха, в которой может быть доля правды.

Хромой с трудом взобрался вслед за Капитаном. Вдобавок к искалеченной ноге он был карликом — но исключительно по росту. По злобе и колдовскому таланту ему не было равных. Он источал ауру ужаса и не менее кошмарную вонь. Даже в лучшие свои дни смердел так, будто выполз из могилы.

Он таращился на нас из-под коричневой кожаной маски.

Бойцы со слабыми желудками перебрались в задние ряды.

Хромой молчал. Просто обозначал свое присутствие. Всем видом внушал, что о нем не стоит забывать. И что впереди у нас интересные деньки.

Капитан приказал взводным подготовить солдат к походу. Но сперва нужно было кое-что разнюхать здесь,

в Алоэ. За это время требовалось уплатить долги и решить все личные проблемы. В идеале — отказаться от городской жизни и вернуться в лагерь.

Дезертирства было не избежать.

Эльмо пихнул меня локтем в бок:

— Не зевай!

Старик отослал всех, кроме меня и колдунов. И сказал мне:

— Костоправ, останься.

А колдунов отправил с Хромым.

Капитан отвел меня в штаб. Теоретически здесь у меня был свой уголок, для работы над Анналами. Но я бывал здесь нечасто.

— Сядь.

Приказ, а не предложение. Я сел на один из двух грубо сколоченных стульев напротив обшарпанного стола, которым Капитан отгораживался от мира.

— Хромой приперся. Прямо он не сказал, но и так понятно, что затащит нас в дерьмо. Он вообще мало что сказал. Возможно, и сам толком не в курсе. Просто следует указаниям.

Я кивнул.

— Костоправ, это нехорошо. Когда имеешь дело с Хромым, жди подвоха.

Я прекрасно это понимал, но напустил на себя вид послушного ученика, ожидающего очередной толики мудрости от почтенного учителя.

— Сказал бы я тебе, какой ты говнюк, но особые напоминания тут не нужны. Сам все понимаешь.

— Я чем-то перед ним провинился?

— Ты весьма успешно прикидываешься таким же беспотковым, как все остальные наши дурни. Но вместо того, чтобы ходить по шлюхам и надираться, ты изучаешь местную историю.

- У человека должно быть не одно увлечение.
- Увлечение — это то, что не вызывает зависимости.
- Такой уж я плохой. Меня манит прошлое. Оно помогает пролить свет на настоящее.

Капитан кивнул и сцепил пальцы под мощным квадратным с ямочкой подбородком.

— Нужно, чтобы ты кое на что пролил свет. — Он тоже понимал, что дело нечисто. — Возможно, у тебя получится сделать так, чтобы Отряд не оказался снова в глубокой заднице.

— Ты мне льстишь.

— Заткнись. Госпожа хочет, чтобы Тидэс Эльба была схвачена прежде, чем превратится в восточную Белую Розу. А может, она и есть эта самая Роза. Черт знает. Хромой в лепешку готов расшибиться, только бы выслужиться перед Госпожой. А заодно и нас всех угробить.

— Командир, я не понимаю.

— Не прикидывайся. У Хромого на тебя зуб.

Это верно.

— Ладно. Что с того?

— Хромому нравится все крушить. А мне не хочется, чтобы меня запомнили как человека, по чьей-то глупой прихоти разнесшего весь Алоэ.

— Так хотя бы намекни, чего тебе от меня надо? Я не такой умный, каким выгляжу.

— Я тоже. — Капитан выбрался из-за стола. Прошелся взад-вперед. Затем произнес: — Госпожа считает, что Тидэс Эльба из местных. Ее семья живет здесь, и мятежница регулярно навещает родственников. Тидэс Эльба — не настоящее имя. Папе с мамой небось невдомек, чем промышляет их дочь.

Тидэс Эльба — это, конечно же, не истинное имя. Зная истинное имя бунтарки, Госпожа давно бы стерла ее в порошок.